

Сиддхарт Капур хлопнул в ладоши и весь заулыбался. Кончики его чёрных усов устремились к небу. Этим весёлым усам было объяснение, ведь проект, который три года водружали на рельсы, наконец-то приготовился зашевелиться. Банк изучил все документы и согласился выдать кредит. Мечты собрались сбываться.

Сын успешного эмигранта из Индии, Сиддхарт Капур был лучшим студентом курса. Престижный британский университет, ослепительные перспективы. Но и в этой истории возникло досадное «но». Банкротство, наступившее Капура-старшего, не позволило оплачивать дальнейшее обучение его сына. Поэтому в один печальный день бедолага Сиддхарт собрал чемодан, покинул кампус и двинулся в Лондон. Там он стал подражаться, работая то по специальности, то нет. И вот на очередном безрадостном пристанище его неожиданно настигла фортуна.

Один из тройки акционеров компании «Глобал Абсолют» по делам предприятия находился в Лондоне. Там в одной нотариальной конторе он и познакомился с Капуром, где тот числился помощником нотариуса. Впервые Сиддхарт увидел живого русского бизнесмена, о каких раньше слышал лишь на курсе про налоговые махинации. Он был в дорогом костюме, от него пахло дорогим одеколоном, дорогая машина ждала у парадной. В надежде угодить клиенту, он дал акционеру не под протокол занимательный совет по структурированию его сделки. Акционер хмыкнул. Это значило, что ему понравилось.

Слово за слово, и акционера осенило: вот он, человек, который нужен! Под новый проект компании «Глобал Абсолют» открывалась дочерняя организация. Назначать директором кого-то из тройцы акционеров? Никому не нужная прозрачность. Вводить на должность номинального киприота? Тоже моветон. А тут совсем другая музыка. Молодой красивый индус в усах, толковый и всем своим видом олицетворяющий прогресс. Да ещё и приятное дополнение в виде хоть и не законченной, но всё же степени в финансах, менеджменте и праве. Думать нечего.

Капура долго соблазнять не пришлось. Он видел лишь два варианта. Либо остаться младшим

помощником нотариуса и жить мечтой о реинкарнации в старшего помощника. Либо очертя голову ринуться в загадочную заснеженную страну, заработать быстрых денег и вернуться в Лондон, чтоб окончить обучение. И тут опять-таки думать нечего.

Сиддхарт кивнул, кивнул и акционер. Короткий звонок коллегам — и назначение состоялось. Обошлось без плясок на столе нотариуса, но дверь, тем не менее, хлопнула зычно. Сиддхарт Капур вышел из нотариальной конторы почти счастливым человеком. И было от чего. Ведь он, начавший забывать и финансы, и менеджмент, и уж тем более право, снова оказался в обойме, снова носил костюмы и снова перестал водить машину сам.

2.

— Сергель, в офис! — скомандовал Капур водителю, и машина тронулась.

— Альё! Валерь? — воззвал Сиддхарт в трубку.

— Он самый. Здравствуйте, господин Капур, — отозвался Валера на другом конце провода.

Валера работал в «Глобал Абсолют» и вёл юридическую часть проекта Сиддхарта Капура. Но о нём чуть позже.

— Готовь финал версий договор. Бэнк согласил подписание зявтра. Акционер договорились, что будет пресс, газет, высший уровень. Всё должен пройти хорошо. Не подведи! Ну, всё. Привет.

Валера выдохнул. Банк одобрил кредит — значит, проекту быть. Финансирование подтолкнёт его в горку. За новыми начинаниями поспешат новые свершения, и тут как тут — обетованный годовой бонус за успешный старт нового направления. А там и погашенная ипотека, новая машина не в кредит, Рио... В общем, вся та отдача и взаимность его поприща, нехваткой которой Валера был измучен за последние годы.

Валера перелез из кровати в тапочки, налил себе кофе и набрал номер помощника.

— Данила, здравствуй! Слышал новость?

— Здравствуй! Какую?

— Газет не читаешь?

— А что там?

— А там про тебя написано.

— Как про меня?..

— Пишут, что сидишь ты без дела, как Ярославна, и пальцем в носу бредишь. А меж тем нам Индус звонил. Сказал, что банк дал добро.

— В смысле— нам кредит дадут?

— Об что и речь. Завтра подписываемся. У тебя же там всё готово? Недаром же ты в потолок поплёвывать стал?

— Да вроде как.

— Ладно, в сторону прибаутки. Проверь ещё раз финальную версию, печатай да сшивай.

— Хорошо, всё сделаю. А ты скоро? Тебя тут спрашивали.

— Ага,— Валера отпил кофе.— Уже лечу.

Данила повесил трубку и слез с подоконника, на котором мечтал последние полчаса. Раскопав на столе финальную версию договора, он пошёл на пятый круг читки. Но мысли отвлекали его от процентных ставок, досрочного погашения, штрафов и пеней и скользили где-то далеко-далеко. На своей невысокой должности Данила был далёк от высоких смыслов всех этих конструкций и материй. Как представитель сословия вчерашних студентов, он ждал роста, но роста стремительного, яростного. Чтобы на каждый профессиональный вызов отвечать гениальным решением. Чтобы его начальники в недоумении пучили глаза и осыпали Данилу дублонами. В общем, он жаждал скорее сворачивать горы. Но где те горы, и как их свернуть? Сперва хоть поддеть бы. Насущнее пока был вопрос с испытательным сроком. Валера дал ему три месяца, но шанса выслужиться не дал. Поэтому проект Сиддхарта Капура оставался единственным шансом проявить себя. Если с кредитом всё пройдёт успешно, то испытательный срок, наверное, будет пройден. А там, глядишь, и новый костюмчик, и велосипед, и Сочи...

Данила налил себе чаю и позвонил на респеш.

— Юль, я тебе сейчас направлю несколько файлов. Распечатай, пожалуйста, в цвете, в двух экземплярах. Ну и шей там всё красиво. Как ты умеешь.

— Так всё-таки будет подписание?— в Юлином голосе лопнула какая-то струна.

— А чего ж ему не быть? Индус обо всём договорился. Ну, распечатаешь?

— Дань, тут проблема.

— Какая? Принтер тью-тью?

— Господи, да не с принтером. С Капуром.

— А что с ним?— Данила сделал оптимистичный глоток свежесваренного чая.

— С ним-то ничего, а вот его виза...

Сказанная фраза заставила Данилу поперхнуться. Юля услышала булькающие ругательства. — Только не говори, что...

— Заканчивается уже сегодня! Ночью надо будет улететь!

— Ну, блин, ну Юль... Почему ты раньше-то не сообщила?

— Сообщала! Я отправляла письма дважды в прошлом месяце! И неделю назад! И вчера! Все же бегали с кредитником с этим, а про визу забыли. И Капур забыл. А как ему это сейчас сообщить, я не знаю. Вообще не знаю, что делать!— к трубке подкатывал, готовясь хлынуть, поток девичьих рыданий. — Юль, давай не хнычь. Что-нибудь придумаем. Наверное,— Данила старался держаться увереннее, но сам чувствовал, как всё нутро у него заходило ходуном.

Юля запустила пальцы в волосы и уронила голову на клавиатуру. На экране стала отпечатываться тарабарщина, словно трансляция мыслей девушки. В её несчастной голове теперь громко звучало слово «увольнение». Маячили картинки, как она, ненакрашенная, нерасчёсанная и местами даже располневшая, идёт по коридору с коробкой личных вещей, а коллеги хихикают ей вслед, как гиены. — Ю-ю-юль? Ты плачешь?— напротив Юли возник уборщик.

Уроженец Средней Азии, лет тридцати, со смолито-чёрной шевелюрой и усами, грустно изгибающимися вниз. Он перегнулся через стойку ресепшена и осторожно тронул девушку за плечо. — А... Паша. Не плачу... Просто... по работе напряг такой. Ты чего-то хотел?

— Да прост узинати, чито. Почему плач.

— Да нет, не плачу. Спасибо, Паш,— Юля сделала глубокий вдох, как вдруг снова разволновалась. — Я совсем забыла! Я ж обещала положить тебе денег на телефон,— девушка засуетилась, хватая со стола то одну, то другую вещь.— Сейчас. Я сейчас. Вот найду телефон и брошу тебе по Интернету. Да где же он? Я мигом. Подожди, пожалуйста.

— Это ничего страшен. Спасибо.

Паша протянул Юле купюру, но та отмахнулась. Он стал настойчивее совать купюру, как в несговорчивый автомат с закусками, но девушка только яростнее замахала руками, так что Паше пришлось поддаться её благородному порыву.

3.

Паша (настоящее имя которого простой смертный москвич с трудом мог бы произнести, а с ещё большим трудом, переходящим в телесные муки,—запомнить) оставил Юлю и удалился в подсобное помещение офиса. Эту каморку занимала клининговая компания, в которой Паша числился техником по гигиене. Он налил себе воды, присел и перевёл дух. Потёртый мобильный телефон встрепенулся. Экран гордо засветился, показывая новое сообщение. Пришли деньги. Теперь Паша мог ответить на ту «роковую» смс-ку, что получил утром:

Дорогой Паша (если это твоё настоящее имя...!)..
Ещё раз большое спасибо, что поддержал меня вчера. Я не говорила тебе, но сегодня я улетаю в

Лондон. Надеюсь, ты ничего там себе не надумал, поэтому не сильно расстроишься. Понимаю, это жестоко с моей стороны, но вряд ли мы встретимся снова. Ещё раз спасибо за всё... Н.».

Речь шла о встрече, которая состоялась накануне. На улице пировал апрель, балуя погодой. Пока одни сидели в офисах, силясь закрыть вопросы-миллионники до майских праздников, другие лениво болтались по теплеющим улицам.

Так и наш Паша гулял по центру города в своей нарядной выходной рубашке, щурился от солнца, ел эскимо. Вдруг, проходя мимо стен древнего Кремля, он увидел милостивую девушку. Она сидела на скамейке совсем одна и тихонько плакала. Паша застыл на месте, стоял и таращился на неё, пока мороженое не потекло ему под рукав. Тогда он собрался с духом, освободился от эскимо и робко подсел к барышне, чтобы опять-таки «узнати, чито и почему пилача». Сам того не подозревая и не планируя, он оказался как нельзя кстати. Девушка не стала распространяться о причинах своей печали, но внимание Паши охотно приняла. Он показался ей смешным, милым, немного наивным — как раз таким, как надо, чтобы отвлечься от горьких дум.

Девушку забавляло, как Паша коверкал русский язык, а он коверкал ещё сильнее, чтобы послушать, как она смеётся. А смеялась она дивно. Настолько дивно, что Паша, недолго думая, влюбился. Однако он поостережётся слишком явно высказывать Н. свою симпатию. Поэтому на прощание лишь оставил ей свой номер телефона, чтобы она могла позвонить, когда снова загрустит. Но Н. ответила, что будет рада позвонить, если найдётся повод и повеселей. Паша долго провожал её взглядом, пытаясь вникнуть в потаённый смысл этого её «повода повеселей».

Полночи Паша провалялся без сна, думая о том, что ему пора жениться, не откладывая до Страшного суда. Но следующее же утро поприветствовало Пашу роковым письмом. Он бросился было набирать ответ, как вдруг не без досады обнаружил, что на балансе его телефона пусто, как в барабане. Многое было пережито и передумано, так что невольно взятый тайм-аут дал Паше остыть и осмыслить ответ.

И вот он взял телефон в обе руки и выдохнул, как перед нырком в прорубь. Сильно вдавливая большими пальцами буквы странного чужого языка, он набрал сообщение, которое так долго выверял и формулировал:

Увидеться сможем! Скажи адрес Лондон. Соберу денег и навещу. Паша. ☺.

4.

Данила услышал шаги в коридоре. В кабинет вплыл Валера, насвистывая «Марсельезу».

— Хао, бледнолицый! — воскликнул Валера. — Ты чего, правда, такой бледный?

— Да тут такое дело... — замямлил Данила.

— Какое дело? — «Марсельеза» смолкла. — Не надо нам таких дел. Ну так что? Говори!

— У Индуса кончается виза...

— Когда?

— Сегодня...

— Когда уезжать?

— Ночью.

— Кто сказал?

— Юля сказала.

— А раньше она не могла сказать?

— Говорила. Дважды в прошлом месяце, неделю назад и вчера.

— Что за чушь? Врёт же, небось. Хотя да. Припоминаю... Стоп!.. А как же торжественное подписание? Журналисты, пресса? Куда это всё?

— Я, по правде говоря, не знаю, куда это девают в таких случаях...

— Вот тебе, бабушка, и монгольский франк. Стыда не оберёмся, — над годовым бонусом сверкнул нож гильотины.

Валера со стоном выдохнул и обрушился в кресло.

Плохие новости имеют любопытное свойство. Они распространяются гораздо быстрее, чем хорошие. Неприятным делаются, чтобы получить сочувствие или совет, а приятное — самодостаточно, им не грех насладиться и в одиночку. Это как делиться чем-то вкусным или невкусным. Разница всегда есть. За тот злополучный час, что Валера лихорадочно обдумывал пути отступления, казалось, каждый в офисе узнал про этот визовый конфуз.

Решено было не отменять подписание, потому что теплили надежду на счастливый исход. Однако самому виновнику торжества сообщить всё же пришлось.

Сиддхарт Капур принял известие стоически. Даже как-то фаталистично. Валера насторожился: он не был уверен, что Капур до конца осознал, что уже завтра вернётся в родные лондонские пенаты и что уже завтра будет ожидать с докладом в приёмной Букингемского дворца или как там у них, у подданных, принято.

Когда Капур повесил трубку, его водитель Сергей, немало слыхавший за свою извозчицкую карьеру, узнал вдруг множество новых бранных слов и выражений. Казалось бы, то были простые, знакомые с детства русские матюки, разукрашенные при этом цветистым индийским акцентом, отчего производили впечатление чего-то нового, свежего и где-то даже приятного. Когда поиссяк поток ругательств, журчавший так звонко и бойко, словно Волга, слившаяся с Гангом, Капур траурно прошептал:

— Сергель, домой... Будем звонить послу.

Солнце катилось на запад, а рабочий день — к шестичасовому звонку, и занятая часть населения превращалась в незанятую. Валера с Данилой всё ещё сидели в офисе, всё ещё держались за головы. Капуру звонили раз двадцать. Сперва тот сообщил, что посол согласился помочь, и Валера с Данилой бодро приосанились. Потом выяснилось, что посол тут не помощник, и труженики, приуныв, размякли. В итоге Капур сказал, что миграционная служба дала добро пересечь границу за полночь, хоть и не более чем на три часа. После этого господин Капур приостановил трансляции с места крушения.

— Э-э-э-эх! — горестно зевнул Валера и открыл нижний ящик стола. — Странная штука — жизнь, а? Ведь ещё утром не было человека счастливей меня. — Был, — коротко парировал Данила.

— Кто? Капур, что ли?

— Я. Я был счастливей. Про Капура не знаю. Он не на испытательном сроке. Я был уверен, что я пройду, а теперь...

— А теперь всё. Но ты не унывай: мне и самому не сносить головы, — он выловил из ящика бутылку виски.

Вылив из кружки остатки кофе в горшок с кактусом, он плеснул себе бронзовато-ржавой жидкости, извечного помощника заблудших. Данила печально посмотрел на Валеру, как на соседского мальчишку, которому купили велосипед.

— Ладно, тащи фужер, — сжалился Валера. — Ты тоже бился, как лев.

Данила слил остатки своего чая под тот же кактус и подставил кружку душеспасительному нектару.

— Односолодовый, — презентовал Валера.

— Никогда не пробовал.

— Подходящий повод. Будем!

Выпили. Данила сморщился. Валера зажмурился, как пригревшийся кот. За первыми порциями последовали вторые, третьи, и коллеги слегка развеселились. Ситуация, словно влюблённая вдова, сменила мрачные тона на розоватые и пошла прошвырнуться. Провал уже казался не таким безрадостным.

— Я что подумал, — протянул Данила прихрамывающим языком. — А вот что, если Капур и правда уедет Лондон?

— В смысле? В этом весь смак и трагизм положения.

— А что, если мы сделаем так, чтобы уехал как бы он, но на самом деле не он?

— Объяснитесь, юная леди, — попросил Валера, закручивая винтом остатки виски на доньшке.

— Смотри: по бумагам Капур летит в Лондон, а по факту остаётся здесь.

— Данил, вот опять твои завиральные идеи. Ну как ты себе это видишь?

— Как? Найдём двойника и отправим заместо Капура.

— Кина насмотрелся?

— А что? Нашли б сейчас похожего индуса, ната-скали его по матчасти — и в Лондон. Под видом Капура.

— Где ты сейчас, в семь вечера, найдёшь в Москве такого же точно индуса?

— Хорошо, не индуса. Таджика. Главное, чтобы на Капура был похож.

Данила засмеялся, да так задорно, что, наверное, смеялся бы до сих пор, если бы вдруг не заметил, как поменялся в лице Валера.

— Ты чего? — спросил Данила, допивая последние капли со дна кружки.

— Как чего? Это ж мысль, юнга! Идея. Ну-ка, — Валера снял трубку и позвонил на ресепшен.

Юля встрепенулась от мыслей, в которых варила себя последние часы.

— Юль. Нас навестило вдохновение, и мы придумали, как быть. Ты ещё не собираешься домой?

— Собиралась, но не знаю, можно ли... Я ведь так накосячила, что и не знаю, вдруг что...

— Совершенно верно, Юль, нас всех уволят. Но у тебя есть шанс поучаствовать в афере года. Впи-шешь это в резюме, и тебя с руками будут рвать.

— Капур сказал, что уволит меня? — Юля снова собралась порыдаться.

— Считаю, что уже уволил. Но не в этом суть. Созывай весь наш клининг.

— Что? Зачем клининг? Я что-то ничего не понимаю, — слёзы отхлынули, уступая любопытству.

— Да, да! Клининг. Техники по гигиене. Уборщики. Дворники. Ну?! Они ещё тут?

— Ну, позовём.

— Всех не надо. Только мужчин лет тридцати.

— Таких и наберётся-то человек пять.

— Тащи всех в переговорку.

6.

Пятеро работников клининга несмело переминались с ноги на ногу, ожидая в переговорной. Валера с Данилой вошли и попросили собравшихся присаживаться. Когда все уселись за стол, повисла немая пауза. Комбинаторы, сцепив ладони, изучали растерянные физиономии пришедших. Пришельцы же осторожно поглядывали то на Валеру, то на Данилу, то друг на друга, не разумея, что к чему.

Потом Валера обратился к двум работникам, поблагодарил их за помощь и сообщил им, что они могут быть свободны, как мысли у пьяненького. Оставшиеся трое напряглись, вжались в сиденья и вцепились в подлокотники. Белели кончики пальцев, звенела тишина. Затем отсеяли ещё одного. Двое уцелевших уставились друг на друга. Казалось, если бы их заставили биться друг с другом насмерть, они бы похватили со стола карандаши и, как гладиаторы, вонзили бы их друг другу в глотки.

Ещё через пару мгновений Валера отпустил ещё одного работника. Последний герой гордо поднял голову и, не мигая, смотрел на своих мучителей. Его собратья скучковались у стеклянных стен переговорной и продолжили следить за молчаливой экзекуцией.

— А что, похож... — вымолвил Данила и заглянул в глаза Валере в поисках солидарности.

— Есть, конечно, над чем поработать, но всё же... есть в нём что-то... индийское. Как вас зовут?

— Паша.

— Нет, ну а настоящее имя?

— Ой, вы это тяжело сказать по-русски, — усмехнулся Паша.

— Как знаете. Итак, Павел, у нас к вам есть одно очень ответственное задание. Нет, поручение. Нет, даже просьба. Вы можете отказаться прямо сейчас, и дело с концом. Но ваша помощь будет неоценима.

— Я вас слушаю.

В общих чертах Валера обрисовал Паше его роль на ближайшую пару суток. Тот лениво кивал, но когда Валера произнёс магическое слово «Лондон», Паша вскочил со стула и бешено затряс головой, повторяя при этом: «Да, Лоньдин!» — в ответ на каждое слово.

От первой части плана плавно перешли ко второй. Валера набрал номер Сиддхарта Капура и объявил ему, что у них с Данилой родился совершенно уникальный план «Б».

— Хорошо, Валерь. Приезжаешь ко мне домой. Я уже собираю вещи. Но посмотрим, что там можно.

7.

Итак, Паша, Валера и Данила двинулись в путь. За руль никому было нельзя, поэтому изловили такси и помчались по указанному адресу. Господин Капура они нашли совершенно скисшим. Он слонялся по квартире, шаркая, как расклеенная калоша. Посреди комнаты разверз пасть всё тот же чемодан, с которым Капур когда-то покидал кампус. В воздухе царил насыщенный запах карри, а по телевизору вещал Болливуд о том, как собратья Сиддхарта лечили все невзгоды песней и пляской.

— «Гита и Зита»? — спросил Данила.

— «Зита и Гита», студент! — ответил Валера, едва не отвисив ему оплеуху.

— Любимый фильм, если грустно, — проныл Сиддхарт, проплывая мимо них.

Он уселся на диван и приготовился слушать. На журнальном столике перед ним стояли мелеющая бутылка индийского коньяка «Редьярд» и опустевший стакан.

— Давайте, что там у вас? Только скоро. Если не выгорает, меня ехать в аэропорт через два часа. Сергель заберёт меня. И завтра всё. Проект надо

быть снова делаем через месяц, но я не знаю, как будет банк. Акционеры не в курсе. Но, наверный, от меня откажутся. Уволят.

— Извините, что переубиваю вас, Сиддхарт. Но мне кажется, что мы придумали решение, — вкрадчиво начал Валера. — Если вы позволите...

Он присел на край дивана и описал Капуру разработанный план, продемонстрировал Пашу, указав на явные черты сходства, описал моменты, на которых следует заострить особое внимание, где что подретушировать, как скрыть несхожие черты.

— Двойники, понимаете? Как близнецы! — Валера бойко жестикулировал, объяснял, а поняв, что такого слова Сиддхарт мог и не знать, показал на экран телевизора, где плясали Зита с Гитой.

Капур, вертя головой, как филин, внимательно всё выслушал, по ходу рассказа осматривая Пашу с макушки до подметок. Он глубоко вздохнул, наводя собравшихся на мысль о фиасковом характере затеи, и встал с дивана. Затем вынул из буфета ещё три бокала, наполнил их и предложил всем выпить. Все выпили. Все поморщились, и только Капур прищурился, как пригревшийся слон.

Капур признал, что определённое сходство между ним и техником по гигиене действительно имеется. Потом он залпом опорожнил ещё бокал, занюхал парчовым рукавом халата и только после этого согласился с планом, бросив на выдохе:

— Чёрт восьмой, былань была.

Валера позвонил Юле и распорядился купить новоиспечённому «господину Капуру» билет до Лондона.

Сиддхарт обратил внимание, что Паша из рук вон плохо говорит по-русски, но оценил проблему как поправимую и вызвался натаскать двойника в оставшееся до самолёта время. Дольше всего он бился над словом «Лондон», которое Паша произносил как «Лоньдин», а Капур всё твердил ему: — Да не Лоньдин, а Лондэн!

Обзвонили несколько круглосуточных салонов красоты. Наудачу отыскалось два свадебных мастера, готовых к выезду на дом: визажист и парикмахер. Приехавшие кудесники выслушали, что от них требуется, и согласились сотворить задуманное чудо перевоплощения. И им это удалось. Уезжая, они оставили в квартире Капура уже не одного Капура, а целых двух.

По ходу стрижки и гримировки Данила, Валера и Сиддхарт Капур ходили вокруг него и подкидывали ему разнообразные советы, как дровишки в костёр. Паша кивал и всё переваривал. От него требовалось по большей части деловито кивать, что он освоил с фантастической скоростью. Разучили пару фраз, которыми обычно обмениваются на паспортном контроле. Написали шпаргалок. Потом взяли за репетицию подписи господина Капура.

Валера и Данила покинули близнецов ближе к полуночи. Выходя, они слышали, как два почти одинаковых Сиддхарта Капура сонно перекрикалились:

— Лондэн!

— Лоньдин!

— Лондэн!

— Я так и говори!

Сев в такси, Валера подвёл последний штрих:

— Данил, Юля купила билеты?

— Да, я их распечатал у Капура на принтере и оставил на столе. В три часа ночи улетает.

— Типун тебе на язык. Никуда он не улетает. У него теперь для этого специально обученный двойник. Что ж! Пошла вода горячая, — подытожил Валера. — За это можно и тяпнуть.

— Не рано?

— Запомни, дитя. Даже самые маленькие победы надо отмечать.

— Куда? — просипел водитель.

— В паб!

— Валер, я, наверное, домой...

— Ну так куда? — повторил шофёр.

— Его домой, меня в паб! — распорядился Валера.

8.

— Так как, говоришь, тебя зовут? — произнёс один из акционеров, указывая на Данилу перстневатым пальцем, тыча им, словно в самую душу.

— Да-да-нила, — он всё заикался и мялся, не зная, с чего начать рассказ о том безумном дне накануне подписания.

— А где Валера? — спросил второй акционер.

Конечно же, Данила не выдал Валеру и не поведал акционерам о диалоге, состоявшемся утром до подписания. Валера позвонил Даниле и признался, что борьба с пережитым стрессом затянулась и Валера, к его великому сожалению, перебрал лишнего, поэтому на подписание не явится. При этом Даниле были обещанные золотые прииски и триумфальное завершение испытательного срока, если он сам со всем справится. А поэтому Данила бросился на амбразуру с шашкой наголо, отнюдь не ощущая себя жертвенным агнцем.

— Да. Где Валера? Обычно он рассказывает нам, что как, — вмешался первый акционер.

— Он не смог приехать из-за другой встречи. Но я был на подписании и всё сейчас расскажу...

— Я не понял, давай короче, — перебил третий акционер. — Кредитник-то подписали?

— Да, да, всё сделано! У меня на столе подписанный экземпляр. Я сейчас принесу.

— Не мельтеши ты. Я не понял. Если всё хорошо, зачем нас всех собрали-то?

— Дело в том, что Сиддхарт Капур... — начал Данила.

А дело было в том, что, явившись на подписание, господин Капур был сумрачен и молчалив. Он

важно выводил свою сигнатуру на экземплярах договора, жал руки директорам, руководителям департаментов, кивал журналистам, хмыкал, ворчал. Очевидно, после бессонной ночи, проведённой в репетициях русского языка и дрессировке двойника, он был не в лучшей из своих реинкарнаций.

Когда встреча близилась к завершению, Данила собрал свои экземпляры договоров и направился к выходу. Как вдруг Сиддхарт Капур остановил его и задал один вопрос, от которого Даниле захотелось жить:

— Данель... А когда мы поедем в Лоньдин?

Беда никогда не приходит одна, подумал Данила и мысленно воспроизвёл себе картину бедствия. В идеально сотканный план с подменной ссыльного директора не был включён верный водитель Капура — Сергей. А поэтому Сергей встроился в него самостоятельно. Грубо, кондово, но зато сам, как умел. Он поднялся ко времени в квартиру начальника, растолкал сонного господина Капура (которого он ни с кем бы не перепутал) и отвёз спящего директора в аэропорт. Тот, не продавая глаз, как замороженная кобра, прошёл все кордоны, дьюти-фри и зал ожидания, после чего продолжил в самолёте свой прерванный анабиоз. И только проснувшись и увидав, как по-лондонски полощет дождь окошко иллюминатора, господин Капур осознал происшедшее. Вполне объяснимо, что он мгновенно пришёл в бешенство, и Волга снова полноводным потоком слилась с Гангом.

А пока фюзеляж авиалайнера Москва — Лондон сотрясаясь от проклятий, Данила позвонил Сиддхарту Капуру, и сообщил поднявшему трубку Паше, где и когда его ждут на подписании. Конечно, ему показалось странным, что Капур сам не помнил, куда и когда ехать. Но что поделывать: бессонная ночь, стресс, уроки Великого и Могучего.

— Хм... Так, значит, Капур выкрутился и обзавёлся двойником? — подытожил первый акционер.

— Получается, так, — виновато подтвердил Данила.

— Прямо как у шейха, — прикинул второй.

— А это удобно, — хмыкнул третий акционер. Это значило, что ему понравилось. — Можно пропустить ненужные встречи, собрания и тому подобное.

Все трое акционеров многозначительно переглянулись.

— Чья, говоришь, это была идея? — спросили все трое в один голос.

Данила на секунду представил, как сладко, наверное, спал в ту секунду Валера, единственной заботой которого было вовремя переворачивать подушку прохладной стороной к щеке. Ещё на одну секунду Данила вообразил, как отдаёт это спящее тело на заклятие акционерам.

Вентилятор гонял по переговорке приятный ветерок, однако Данила всё равно чувствовал,

как земля под ним накалилась и тлеет. Наконец он выдохнул и произнёс:
— Моя.

На следующее утро Даниле объявили об успешном прохождении испытательного срока, а кадровикам поручили открыть три новые вакансии. Требовались двойники.

П. С.

Привет, Паш (и я уже точно знаю, что это не твоё настоящее имя!).

Случайно увидела в новостях твоё фото. Ты не рассказывал, что работаешь директором в „Глобал Абсолют“... Кстати... Скоро я буду проездом в Москве. Могли бы пересечься... Если хочешь... Н.